

УДК 82.03

П. Н. Толстогузов

ПОЛИТИЧЕСКАЯ ЛИРИКА ТЮТЧЕВА КАК БЕССПОРНОЕ НАСЛЕДИЕ

Точка зрения, согласно которой т. н. «политическая» лирика Тютчева (т. е. его программная политическая поэзия) является чем-то заведомо менее качественным по отношению к его «чистой лирике», не выдерживает серьезной историко-литературной критики. Статья представляет собой переработанный фрагмент диссертационного исследования (2004), никогда ранее не появлявшийся в открытой печати.

Ключевые слова: политическая лирика Тютчева, программная поэзия, риторическая / витийственная традиция, одический стиль.

Политически стихи Тютчева до сих пор вызывают споры, но если при жизни поэта это, в основном, были споры по поводу выраженных в этой лирике идей, то уже первые посмертные литературные разборы содержали неременное указание на ее поэтическую неполноценность. Более определенные с жанровой и тематической точек зрения, эти тексты казались антиподами по отношению к тем стихотворениям, где так тонко проявил себя знаменитый тютчевский баланс мысли и образа. Их программная законченность, ясность смыслового итога контрастны по отношению к «фрагментарности» стихотворений на случай. В то же время на них лежит ясный отпечаток стиля, характерного для лирики поэта в целом. Определение жанровой природы этих стихотворений, таким образом, может указать на противоположный полюс целостной лирической системы Тютчева.

Определение «политическая лирика» условно: под этот разряд помещают не только отклики поэта на политические события, но и такие стихотворения, которые содержат поэтическое видение глобальных исторических проблем (вроде «Русской географии»). С большей точностью эту поэзию можно было бы определить как программную (молчаливо предполагая при этом, что речь идет об исторической, историософской и политической программности). Мы используем оба определения как уточняющие друг друга.

Наш современник (Марк Кушников) так выразил довольно распространенное мнение о политической лирике Тютчева и о программной

Толстогузов Павел Николаевич — доктор филологических наук, профессор, профессор кафедры филологии и журналистики (Приамурский государственный университет имени Шолом-Алейхема, Биробиджан); e-mail: pnt59@mail.ru.

© Толстогузов П. Н., 2016

поэзии в целом: «Я знаю, что он был великим патриотом России и славянства. Знаю его политические стихи. Многие из них иначе как рифмованными лозунгами не назовешь. Но я предпочитаю иметь дело с теми его творениями, где рука художника, по выражению Пушкина, умнее самого художника. <...> И у самого Пушкина я, как и многие, предпочитаю иметь дело с «Медным всадником» и «Родословной», нежели с «Полтавой» и «Клеветникам России». И это в порядке вещей» [5]. Эта точка зрения понятна и даже традиционна для определенной категории читателей, но вот апелляция к «порядку вещей» напрасна. Еще в XVIII веке подобные оценки, предполагающие противопоставление интуитивного и программного творчества (восходящее к эпохе романтизма), были бы именно что непонятны. Именно исходя из этого противопоставления и из воспитанного романтической эпохой вкуса к «интуитивному» современники Тютчева и их последователи (среди которых немало обычных политических антагонистов Тютчева) делали вывод о неполноценности его программной поэзии.

Иван Аксаков выделял в отдельную группу «произведения, которые посвящены России или выражают его (Тютчева — П. Т.) политические убеждения и мечтания» и давал им оценку, которая будет затем неоднократно возобновляться: «Хотя этих стихотворений довольно много, и иные из них высокого поэтического достоинства, однако же не ими определяется значение Тютчева как поэта с точки зрения эстетической критики... только в этом отделе стихотворений и доходит он до торжественных, почти «героических» звуков, столько вообще чуждых его поэзии» [1, с. 116]. Еще более резкие оценки давали И. С. Тургенев и Л. Н. Толстой¹. Литературоведы XX века (за исключением, пожалуй, Ю. Н. Тынянова) либо игнорировали эту часть тютчевского поэтического наследия, либо высказывались о ней в том же ключе. Б. Я. Бухштаб: «Всеми критиками ... эти стихотворения всегда признавались наиболее слабой частью его поэтического наследия. Они программны, основаны на «головных» мыслях поэта, вовсе не совпадающих с теми мыслями-эмоциями, которые одушевляют лучшую часть его наследия» [3, с. 50]. Н. Я. Берковский: «Только в своей политической поэзии Тютчев зачастую возвращался к официальным догмам, и именно это наносило вред ей. <...> Тут перед нами не весь Тютчев, не самый бесспорный» [2, с. 163–164]. (Не вполне ясно, что Берковский называл в этом случае «официальными догмами», так как славянская идея, центральная для этой лирики, не только не была «официальной», но часто встречала неприкрытое раздражение со стороны официальных кругов — известна, например, резкая реакция Николая I на тютчевскую строку о «всеславянском царе» в стихотворении «Пророчество».) Тонкий

¹ И. С. Тургенев: «Он (Тютчев — П. Т.) тоже был славянофил — но не в своих стихах; а те стихи, в которых он был им, — те-то и скверны» (из письма к А. А. Фету). См.: [11, с. 397]. Л. Н. Толстой (в разговоре с Н. Н. Страховым, переданным В. Ф. Лазурским): «А потом он стал писать вздор, чепуху такую, что ничего не поймешь — эти славянофильские стихотворения» [12, с. 250].

наблюдатель Б. М. Козырев характеризует «политическую» лирику как не содержащую «ничего значительного», за исключением нескольких текстов, «ничего сравнимого с натурфилософскими его стихами» [6, кн. 1, с. 126]. И т. д.

Эти и другие похожие мнения подтверждаются, как будто, точкой зрения самого автора, отозвавшегося однажды о своих политических стихотворениях как о «довольно ничтожных стихах» и о «пустозвонном безделье» (по поводу стихотворения «Славянам»; [см.: 10, с. 412]). Но Тютчев и по отношению к другим своим стихам мог выразить демонстративное пренебрежение (ср. его известную намеренно-пренебрежительную характеристику своих стихотворений 20–30-х годов как «бумажного хлама» [6, кн. 1, с. 508]). С другой стороны, в этих словах автора может слышаться понятная боязнь обнаружить *во внелитературной ситуации* излишний пафос там, где речь идет о «задушевных мыслях» (характеристика, данная М. П. Погодиным политическим убеждениям поэта [6, кн. 2, с. 25]).

Между тем отрицательная точка зрения на политическую лирику Тютчева — не единственная. Среди современников (совсем не обязательно единомышленников) поэта были такие, кто, как Н. Н. Страхов, указывал на «превосходные» в поэтическом отношении образцы политической лирики [12, с. 250], и те, кто указывал на родственность этих двух феноменов — политики и лирики — в творчестве Тютчева. Так В. П. Мещерский (Ф. М. Достоевский?) писал в некрологе Тютчеву: «Политика и поэзия в самом широком значении этих двух понятий были сущностью его жизни, — политика мирной всецелой жизни человечества и политика как совокупность вопросов, живо и горячо затрагивающих интересы России и устраивающих ее будущее. Наряду же с политикой стояла и поэзия, являвшаяся чем-то родственным политике в духовном существе его...» [там же, с. 281]¹. Позже Д. С. Мережковский, считавший политические убеждения Тютчева «игрой», тем не менее обнаруживал в политических стихотворениях поэта «варварское великолепие красок» [7, с. 467]. Одну из первых принципиальных оценок ситуации с «беспорным» и «небеспорным» Тютчевым дал Г. С. Гагарин в 1912 году. Он совершенно справедливо писал (в письме издателю Тютчева П. В. Быкову) об искусственности чисто тематического деления, указывая на «субъективную оценку», заключенную в суждении Аксакова (о «не тютчевском роде») и возобновляемую (с явной или скрытой ссылкой на первую биографию) до последнего времени [6, кн. 2, с. 536]. При этом Аксаков исходил исключительно из критерия «эстетической критики», а многие соглашавшиеся с ним позже — из своеобразного чувства неловкости за программный монархизм и панславизм Тютчева. (Характерна в этой связи реплика-издевка И. А. Бунина о «том самом Тютчеве, что стихи в честь Муравьева-Виленского написал» [8, с. 97].)

¹ Известно, что этот некролог подвергся существенной переработке со стороны Достоевского. Н. Ф. Бельчиков предположил, что в ряду других мест рассуждение о политике и поэзии принадлежит именно писателю. См.: [там же, с. 423–424].

Несмотря на звучавшие возражения, попыток взглянуть на политическую лирику Тютчева объективно, в связи с существующей литературной традицией и с контекстом самой тютчевской поэзии, до сегодняшнего дня очень немного. Одна из них принадлежит Тынянову, который увидел в «политической лирике» Тютчева «прозаически-политические приемы», сближающие его с традицией программной поэзии XVIII века и с Некрасовым, с одной стороны, и с риторикой его собственной натурфилософской лирики — с другой [9, с. 46].

Мы исходим из представления, что для жанровой характеристики мнение о «бесспорном» и «небесспорном» наследии неактуально. (Заметим в скобках, что оно вряд ли актуально и в других отношениях. Никому же не приходит в голову искать, например, у Гейне, где он «бесспорный», а где нет: в своих стихотворных политических памфлетах или в лирике «Книги песен».) Перед нами одна из ясных жанровых позиций, без учета которой любое суждение о поэзии Тютчева само будет спорным. Кроме того, философия природы и философия истории не замкнуты относительно друг друга в лирике поэта, они образуют в контексте целого, скорее, характерный для Тютчева случай смыслового напряжения между такими темами, как «космическая судьба человека» и «историческая судьба человека». Позиции мыслителя-агностика, пророка, политического лоббиста и визионера здесь не исключают, а своеобразно дополняют друг друга. (Непонимание этого подчас приводило к потере смыслового ключа: А. Ф. Гильфердинг, например, высказывался о «не совсем понятных» в общем публицистическом контексте последних строках в «Черном море» — «Он Петропавловского свода // Осветит гробовую сень», — которые *программно* символичны и связывают воедино выход к морю Петра Великого, потерю моря императором Николаем и его новое обретение — необходимый для Тютчева фон величественной исторической драмы, выводящий тему за пределы политической злободневности [6, кн. 2, с. 416].) «Бесспорный» и «небесспорный» Тютчев — эта проблема устоявшегося (?) читательского выбора, а не проблема поэтики. Что касается поэтического достоинства этих стихов, то, как и в «неполитической» лирике, здесь есть удачи и относительные неудачи. Например, «Уж третий год беснуются языки...» — с его удивительными «дантовскими» (Ю. М. Лотман) образами и характерной «расщепленной» метафорой: «Стремглав на нас рванулась глубина» [10, с. 162 — 163] — является образцовым тютчевским текстом, который нельзя изъять ни при какой антологической выборке.

Психологически в программной поэзии выразили себя две составляющих, которые можно определить словами самого Тютчева: «задушевное роковое убеждение» и «неотлагательная потребность отповеди» [6, кн. 1, с. 422, 346]. Связь высокой мистики и подчас публицистически выражающей себя полемики не кажется самой естественной, но именно она обнаруживается во многих политических стихотворениях, составляя

их своеобразии. Какая точка зрения господствует в политической лирике? Ответ на этот вопрос может дать одно из высказываний Тютчева: «Богам, может быть, приятно смотреть на человека, борющегося с несчастьем, но для нас, простых смертных, самое отрадное зрелище — это человек, действующий по призванию» [там же, с. 276]. Надситуативная точка зрения, являющаяся одной из констант натурфилософской и экзистенциальной лирики, сменяется в политической поэзии точкой зрения коллективного участника событий (у которого есть целый ряд прототипов, но не это важно). Приобщение к «божественной» отрешенной позиции еще возможно в ранней лирике («Цицерон»), но в лирике второго периода история является ареной действия человека призвания и сочувственно созерцающего его действия или непосредственно поддерживающего его усилия коллективного зрителя/участника. Человек призвания выразил себя у Тютчева с тем постоянством интонации и на той высоте, которые отличали лучшие образцы русской программной поэзии: от Ломоносова и Пушкина до Некрасова.

Контраст скептика и мистика (отмеченный многими свидетелями) как и контраст лирика «душевной глубины» и лирика-визионера / аполгета / обличителя, принадлежат к способу тютчевского мышления и к методу его поэзии, и здесь, как представляется, нельзя ничего противопоставлять, но следует видеть специфическую систему. «Перпендикулярность» многих мотивов не исключает системности: в «неполитической» лирике, например, чаще встречается ориентация Юг — Север, тогда как в «политической» Запад — Восток, но эти ориентации не исключают, а дополняют друг друга, иногда как бы просвечивая сквозь «чужеродную» смысловую ткань. Непосредственная связь консервативных политических идей и поэзии отнюдь не была чем-то исключительным для эпохи: «история людей только тогда раскрывается во всей своей поэтичности, когда о ней судят с высоты монархических идей и религиозных верований» — это слова Гюго (цит. по: [4, с. 161]).

Идеалистический и мистический монархизм Новалиса, Жозефа де Местра, Виктора Гюго был близок Тютчеву. Практический же монархизм современников иронически определялся им как «животворная теплота полицейского начала» [6, кн. 1, с. 263], и, кроме того, реальное самодержавие временами порождало в его поэзии мистифицированный образ холодного «вечного полюса» монархии. Программным для Тютчева (еще с эпохи стихотворения «К оде Пушкина на Вольность») было желание «растопить» этот полюс средствами идеи, выражающей общенациональное и всемирно-историческое призвание. Умозрительный облик «всеславянской» монархии противостоял как реальному русскому самодержавию (хорошо ощущавшему это), так и нигилистической «мысли безрассудной» (что не менее ясно ощущали такие русские «западники», как И. С. Тургенев, и такие последовательные антигосударственники, как Л. Н. Толстой).

В поэзии Тютчева есть два облика истории. Один — история как «подвиг бесполезный» («От жизни той, что бушевала здесь...») и «чары ночные» («Через ливонские я проезжал поля...»). Но это в основном об истории, обобщенной до драмы общечеловеческого существования. Другой облик — история как сфера осуществления Промысла. В величественную схему Божьего проекта истории (какой она предстает в «политической» лирике) сомнение почти не проникает. Отсюда особая роль мифологических (античных и библейских) мотивов: в них — верификация исторических суждений. Или ничтожество, или величие, третьего не дано. Мистическая концепция истории предполагает принципиальный отказ от «ума» во имя пророчества, но, с другой стороны, этот отказ соседствует с эпиграмматической игрой ума в тютчевских политических инвективах.

В силу принципиальной разницы между логикой Промысла и человеческими деяниями история проявляет себя парадоксально: отсюда господство парадокса в темах декабризма, Польши, Наполеона и других. В отличие от натурфилософского парадокса этот парадокс способен пережить становление в веское заключительное суждение (образ). Так «старая Москва» в перспективе всеславянского объединения и обретения византийского наследия предстает как «новейшая» столица («Спиритическое предсказание»; ПСС, 187). Дух истории неуклонно прокладывает себе путь среди «беснования» умов и страстей, и это высокое зрелище приобщает тютчевского человека к олимпийскому блаженству полнее, чем другие зрелища.

Политическая тема не может служить жанровым определением, и мы, в самом деле, обнаруживаем в этом тематическом разделе ряд жанров, таких, как послание, стихотворение-аполог, эпиграмма, стихотворение на случай (например, к юбилею) и т. д. Ощущение традиционного жанра в этих стихотворениях Тютчева намного более ясное, чем в его «неполитической» лирике. Традиция программной оды и гражданской поэзии хорошо ощущается в них, а «декламационное» (Тынянов) начало выражено резче, чем где бы то ни было. Вместе с тем мы обнаруживаем в них не только набор готовых жанровых моделей, но и хорошо выраженный принцип тютчевского жанрового мышления, один из важнейших регистров его жанрового диапазона. То, что является одним из признаков его лирики в целом, — ораторское начало, — здесь является акцентным признаком.

Воссоздавать политическую злободневность средствами героико-мифологической оды — это еще одно воплощение ситуации «о сиюминутном языке вечности» (Лотман). Хоровое «мы», господствующее в тютчевской программной поэзии, выражает возможность отождествления лирического голоса как с коллективной, так и с метаисторической точкой зрения. Принципиальные оппозиции есть и здесь (Россия — «грязный кабак» и Россия — страна великого призвания, «умом Россию

не понять» — «Россия погибнет от бессознательности» [там же, с. 372]¹), но они не обрываются в смысловую прострацию и не застывают в неподвижном противостоянии, а образуют характерную для историософии логику ничтожества-величия, гибели-спасения. Именно в «наготе» светит свет, а в «историческая ночь» — залог рассвета, «всемирного благовеста». Катастрофа является условием провиденциальной победы и возносит наблюдателя на высоту исторического обзора. Вовлеченность в политику и «политическая» лирика были для Тютчева содержанием той «прилежной» борьбы, которая оправдывает трагическое существование человека в космосе («Два голоса»). История имеет христианское измерение, экзистенция — измерение трагического мифа, но характерно, что и там, и там возникает пафос борьбы, в которой поражение является условием победы.

Подводя итог этим предварительным общим суждениям, мы утверждаем, что политическая лирика Тютчева должна быть сопоставляема с европейской и русской программной лирикой, и из этого сопоставления не замедлят выясниться две вещи: 1) Тютчев создал образцовую программную лирику, выдерживающую сравнение с аналогичными по жанру текстами Пушкина, Некрасова, Хомякова и других поэтов; 2) в собственной лирической системе «политические» стихотворения являются выражением тютчевского духа и тютчевского человека не менее, чем его «скептические» и иные лирические исповедания. Рафинирование «тютчевского рода», таким образом, является случаем отказа от оценки принципиального своеобразия Тютчева как поэта. В этой лирике продолжает свои высокие внушения муза Урания, и звезды не молчат («Два голоса»), а свидетельствуют. Никто не будет оспаривать оценку пифийского дара Тютчева, данную еще Карлом Пфэффелем: «Он обладает даром пророчества» [6, кн. 2. с. 249]. Но это корневое определение в то же время является определением его «политической» поэзии в высшей степени (и здесь есть место как «головным» конструкциям, так и «мыслям-эмоциям»). Тот же корреспондент справедливо определяет второй период творчества поэта как «период его национальной деятельности», когда «русский де Местр» сознательно и деятельно обратил свой поэтический дар на службу любимым идеям (см.: [там же, с. 35, 247]). В этой его деятельности так же, как и в философских умозрениях, обнаруживают себя те продуктивные противоречия, благодаря которым Тютчев-лирик сформировал свою уникальную поэтику.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Аксаков И. С. Биография Федора Ивановича Тютчева. М.: Книга и бизнес, 1997. 327 с.

¹ Эти слова взяты из письма И. С. Аксакову (1871), но их поэтические варианты можно обнаружить в эпиграммах (ср.: «Куда сомнителен мне твой...»).

2. Берковский Н. Я. О русской литературе. Л.: Худож. лит., 1985. 384 с.
3. Бухштаб Б. Русские поэты. Л.: Худож. лит., 1970. 247 с.
4. История всемирной литературы. В 9 тт. Т. 6. М.: Наука, 1989. 880 с.
5. Кушников Марк. Напиши мне о кино // Искусство. Приложение к газете «Первое сентября». 2001. № 7 (223). С. 9.
6. Литературное наследство. Т. 97. В 2 кн. М.: Наука, 1988 – 1989.
7. Мережковский Д. С. В тихом омуте: Статьи и исследования разных лет. М.: Сов. писатель, 1991. 496 с.
8. Осповат А. Л. «Как слово наше отзовется...»: О первом сборнике Ф. И. Тютчева. М.: Книга, 1980. 112 с.
9. Тынянов Ю. Н. Поэтика. История литературы. Кино. М.: Наука, 1977. 574 с.
10. Тютчев Ф. И. Полное собрание стихотворений. Л.: Сов. писатель, 1987. 448 с.
11. Тютчев Ф. И. Стихотворения. Письма. Воспоминания современников. М.: Правда, 1988. 480 с.
12. Ф. И. Тютчев в документах, статьях и воспоминаниях современников. М.: Книга и бизнес, 1999. 511 с.

* * *

Tolstoguzov Pavel N.**TIUTCHEV'S POLITICAL LYRICS AS AN INDISPUTABLE HERITAGE**

(Sholom-Aleichem Priamursky State University, Birobidzhan)

We proceed from the view that the genre characteristics of opinion about «indisputable» and «disputable» heritage is irrelevant. (Parenthetically, it is hardly relevant and in other respects. No one comes to the head to look, for example, in Heine's works, where they are «indisputable», and where not: in his poetic political pamphlets, or in the lyrics of «Book of songs».) Tiutchev's political poetry is one of clear genre positions, without which any judgment about the poetry of Tiutchev itself is controversial.

Keywords: Tiutchev's political lyrics, topical poetry, rhetorical tradition, odic style.

REFERENCES

1. Aksakov I. S. *Biografiya Fedora Ivanovicha Tyutcheva* (Biography of Fyodor Ivanovich Tiutchev), Moscow, Kniga i biznes Publ., 1997. 327 p.
2. Berkovskiy N. Ya. *O russkoy literature* (About Russian literature), Leningrad, Khudozhestvennaya literature Publ., 1985. 384 p.
3. Bukhshtab B. *Russkie poety* (Russian poets), Leningrad, Khudozhestvennaya literature publ., 1970. 247 p.
4. *Istoriya vseмирnoy literatury* (History of World Literature). In 9 vols., vol. 6. Moscow: Nauka Publ., 1989. 880 p.
5. Kushnirov M. Write To Me About Movies [Napishi mne o kino], *Iskusstvo. Prilozhenie k gazete «Pervoe sentyabrya»*, 2001, no. 7 (223), pp. 9.
6. *Literaturnoe nasledstvo* (Literary legacy), vol. 97, in 2 books, Moscow, Nauka Publ., 1988 – 1989.
7. Merezkovskiy D. S. *V tikhom omute: Stat'i i issledovaniya raznykh let* (Still Waters: Articles and Studies over the years), Moscow, Sovetskiy pisatel' Publ., 1991. 496 p.
8. Ospovat A. L. «Kak slovo nashe otzovetsya...»: O pervom sbornike F. I. Tyutcheva («How Our Word Will Respond...»: About the first collection of F. I. Tiutchev) Moscow, Kniga Publ., 1980. 112 p.

9. Тын्यानov Yu. N. *Poetika. Istoriya literatury. Kino.* (Poetics. The History of Literature. Movie), Moscow, Nauka Publ., 1977. 574 p.
10. Tyutchev F. I. *Polnoe sobranie stikhotvoreniy* (The Collected Poems), Leningrad, Sovetskiy pisatel Publ., 1987. 448 p.
11. Tyutchev F. I. *Stikhotvoreniya. Pis'ma. Vospominaniya sovremennikov* (Poem. Letters. Memoirs of Contemporaries), Moscow, Pravda Publ., 1988. 480 p.
12. *F. I. Tyutchev v dokumentakh, stat'yakh i vospominaniyakh sovremennikov* (F. I. Tyutchev in Documents, Articles And Memoirs of Contemporaries), Moscow, Kniga i biznes Publ., 1999. 511 p.

* * *